

БЕРТРАН РАССЕЛ

СКЕПТИЧЕСКИЕ ЭССЕ



*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)(410)
ББК 87.3(4Вел)
P24

Серия «Эксклюзивная классика»

Bertrand Russell
SCEPTICAL ESSAYS

*Authorised translation from the English language edition published
by Routledge, a member of the Taylor & Francis Group,
copyright of The Bertrand Russell Peace Foundation.*

Перевод с английского А. Курышевой

Серийное оформление А. Фереца, Е. Фереца

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения TAYLOR & FRANCIS GROUP UK.

Рассел, Бертран.

P24

Скептические эссе / Бертран Рассел ; [перевод с английского А. Курышевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-162668-6

Бертран Рассел (1872–1970) — лауреат Нобелевской премии по литературе, английский математик, общественный деятель и один из величайших философов XX века, автор знаменитых работ «Проблемы философии», «Человеческое познание: его сфера и границы», «Азбука относительности» и фундаментального труда «История западной философии».

В сборнике «Скептические эссе» великий британский философ в свойственной ему остроумной, безупречно логичной и точной манере рассуждает на волнующие его темы: о свободе мысли и свободе в обществе, о влиянии машин на человеческие эмоции и поведение, об идеале счастья на Западе и на Востоке, о «полезных» и «бесполезных» знаниях, о противостоянии идеализма и рационализма и необходимости разумного скептицизма во всех сферах жизни — от любви до политики.

УДК 1(091)(410)
ББК 87.3(4Вел)

© The Bertrand Russell Peace Foundation Ltd., 1996

© Перевод. А. Курышева, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2024

ISBN 978-5-17-162668-6

Любить и размышлять —
вот подлинная жизнь духа.

Вольтер

Глава I

ВВЕДЕНИЕ: О ЦЕННОСТИ СКЕПТИЦИЗМА

Мне хотелось бы предложить благосклонному вниманию читателя доктрину, которая, боюсь, может показаться пугающе бунтарской и парадоксальной. Звучит она так: если у вас нет веских оснований полагать, что утверждение является истинным, верить ему нежелательно. Разумеется, я должен признать, что распространение этого принципа полностью изменило бы как нашу общественную жизнь, так и нашу политическую систему; поскольку обе они в настоящее время безупречны, очевидно, что это свидетельствует не в его пользу. Я также осознаю (и это более серьезно), что оно привело бы к снижению уровня доходов ясновидящих, букмекеров, священников и всех остальных, кто зарабатывает на иррациональных надеждах людей, ничем не заслуживших блаженства ни в земной жизни, ни после нее. Несмотря на эти веские доводы, я все же считаю, что в моем парадоксе есть зерно здравого смысла, и попытаюсь объяснить, в чем оно заключается.

Прежде всего мне хотелось бы оградиться от подозрений, будто бы я занимаю какую-то крайнюю позицию. Я — британский виг и питаю истинно британскую любовь к умеренности и компромиссам. Есть одна история о Пирроне, основателе пирронизма (так раньше называли скептицизм). Он утверждал, что никто никогда не бывает осведомлен настолько, чтобы быть со-

вершенно уверенным, будто один ход действий разумнее другого. Как-то раз в юности, совершая послеобеденный моцион, он увидел, что его учитель философии (от которого он и перенял этот принцип) завяз головою в грязи и никак не может выбраться. Понаблюдав за ним несколько времени, Пиррон пошел дальше, поскольку решил для себя, что нет достаточных оснований полагать, будто, вытащив старика, он поступит верно. Другие менее скептические люди поспешили на помощь, а Пиррона обвинили в бессердечии. Однако учитель, верный своим принципам, похвалил его за последовательность. Должен сказать, сам я столь героического скептицизма не проповедую и с готовностью придерживаюсь привычных убеждений, продиктованных здравым смыслом — если не в теории, то хотя бы на практике. Я покорно признаю любой хорошо обоснованный научный вывод пусть не безусловно верным, но достаточно правдоподобным для того, чтобы служить основой рациональных действий. Если ученые объявляют, что в такой-то день должно произойти лунное затмение, по-моему, есть смысл выглянуть в окно и посмотреть, действительно ли это так. Пиррон рассудил бы иначе. На этом основании я считаю, что имею право назвать себя сторонником умеренной позиции.

Существуют вопросы, по которым люди, их изучившие, пришли к единому мнению; даты затмений могут послужить здесь иллюстрацией. Существуют также вопросы, по которым у экспертов согласия нет. И даже если все эксперты согласны, они вполне могут ошибаться. Двадцать лет назад позицию Эйнштейна касательно величины гравитационного отклонения света отвергли бы абсолютно все специалисты в этой сфере, однако она оказалась верной. И все же мнение экспертов, когда оно единодушно, неспециалистами должно воспри-

ниматься как более вероятное, чем противоположное мнение. Скептицизм, за который я выступаю, сводится лишь к следующему: первое — когда эксперты едины в каком-либо мнении, противоположное мнение не может считаться неоспоримым; второе — когда мнения экспертов разнятся, неспециалист не может считать неоспоримым никакое мнение; и третье — когда все они считают, что достаточных оснований для твердого ответа не существует, обычному человеку будет разумнее воздержаться от суждения.

Эти предложения могут показаться безобидными, но, будучи приняты, они произведут в человеческой жизни самую настоящую революцию.

Все мнения, за которые люди готовы убивать и преследовать, неизбежно принадлежат к одному из трех классов, порицаемых с позиции этого скептицизма. Когда у мнения есть рациональные основания, человеку достаточно изложить их и дождаться, пока они сделают свое дело. В таких случаях он не цепляется яростно за свое мнение; он придерживается его спокойно и спокойно же излагает аргументы. Горячо придерживаются лишь тех мнений, для которых не существует рационального основания; можно сказать, что горячность — это свидетельство недостатка рациональной убежденности. Подобная горячность почти всегда встречается в политике и религии. Повсюду в мире, за исключением Китая, если человеку нечего сказать на эти темы, его считают жалким существом; люди ненавидят скептиков гораздо больше, чем страстных защитников мнений, которые противоречат их собственным. Считается, что твердая позиция по таким вопросам — необходимое требование практической жизни и что, стань мы более рациональными, существовать в социуме было бы невозможно. Я убежден в обратном и постараюсь пролить свет на причины этого убеждения.

Возьмем вопрос о безработице в период, последовавший за 1920 годом. Кто-то считал, что ее вызвало пагубное влияние профсоюзов, другие обвиняли неразбериху на континенте. Третьи хотя и признавали, что эти факторы сыграли свою роль, но возлагали большую часть вины на политику Банка Англии, пытавшегося повысить стоимость фунта стерлингов. Насколько мне удалось понять, в этой третьей группе состояло большинство экспертов — и больше никто. Политиков не привлекают взгляды, о которых нельзя разглагольствовать с партийной трибуны, а простые смертные предпочитают приписывать любые несчастья вражеским козням. В результате люди спорят из-за совершенно не относящихся к делу мер, а тех немногих, кто придерживается рационального мнения, не слушают, поскольку они не тешат ничьих страстей. Чтобы переманить на свою сторону широкую публику, им пришлось бы внушить ей, будто Банк Англии — воплощение зла. Чтобы завлечь лейбористов, необходимо было бы показать, что директора Банка Англии чинят препятствия профсоюзному движению; чтобы обратить в свою веру епископа Лондонского, пришлось бы доказывать, что они «аморальны». Из этого бы логически следовало, что их позиция по вопросу обменного курса ошибочна.

Рассмотрим еще одну иллюстрацию. Есть мнение, будто социализм противоречит человеческой природе — это утверждение социалисты отвергают с тем же жаром, с каким их оппоненты на нем настаивают. Покойный доктор Риверс, кончина которого достойна бесконечного сожаления, затрагивал эту тему на лекции в Лондонском университете, включенной в его опубликованную посмертно книгу «Психология и политика» (*Psychology and Politics*). Это единственный известный мне пример обсуждения этого вопроса, способный претендовать на научность. В лекции излагаются антропо-

логические данные, демонстрирующие, что социализм не противоречит природе человека в Меланезии; затем указывается, что мы не знаем, одинакова ли человеческая природа в Меланезии и в Европе; и делается вывод, что единственный способ выяснить, противоречит ли социализм природе европейского человека, — это попытаться его внедрить. Интересно, что на основании такого заключения он согласился стать кандидатом от лейбористов. Однако в нем определенно не нашлось бы тех жара и страсти, без коих обыкновенно не обходятся политические споры.

А сейчас я рискну затронуть тему, к которой людям еще сложнее относиться беспристрастно, а именно брачные обычаи. Большинство жителей любой страны убеждено, что все брачные обычаи, кроме их собственных, аморальны и что те, кто оспаривает эту точку зрения, просто пытаются оправдать свою распущенность. В Индии даже мысль о том, что вдова могла бы вступить в повторный брак, традиционно считается чудовищной. В католических странах развод полагают делом весьма безнравственным, однако кое-какие нарушения супружеской верности допускаются — по крайней мере для мужчин. В Америке развестись легко, но внебрачные отношения осуждаются крайне сурово. Магометанцы верят в многоженство, которое мы считаем унижающим человеческое достоинство. Все эти разнообразные мнения защищаются донельзя горячо, а тех, кто идет против них, ожидает весьма жестокое преследование. Однако ни в одной из этого множества стран никто не прилагает ни малейшего усилия к тому, чтобы продемонстрировать, что обычаи его собственной страны более способствуют человеческому счастью, чем обычаи других.

Открыв любой научный трактат на эту тему, такой как (например) «История человеческого брака» (History of Human Marriage) Вестермарка, мы столкнемся с ат-

мосферой, чрезвычайно отличной от атмосферы общепринятых предрассудков. Мы обнаружим, что человеческая история знавала самые разные обычаи, многие из которых показались бы нам противными человеческой природе. Нам кажется, что мы можем объяснить многоженство — как обычай, навязанный женщинам угнетателями-мужчинами. Но что тогда сказать о тибетском обычае, согласно которому одной женщине дозволяется иметь нескольких мужей? И при том путешественники, побывавшие в Тибете, уверяют, что семейная жизнь там по меньшей мере столь же гармонична, как в Европе. Совсем немного подобного чтения, и вскоре любой беспристрастный человек дойдет до абсолютного скептицизма, ведь данных, позволяющих утверждать, что один брачный обычай лучше или хуже другого, кажется, вовсе не существует. Почти все они сопровождаются жестокостью и нетерпимостью по отношению к нарушителям местных норм поведения, но в остальном у них нет ничего общего. Похоже, грех имеет географическую привязку. От этого вывода рукой подать до дальнейшего вывода о том, что понятие «греха» иллюзорно и что жестокость, с которой за него обычно наказывают, излишня. А вот этот вывод уже весьма противен многим умам, ведь проявлять жестокость, не замарывая при этом совесть, — излюбленное развлечение моралистов. Для того они и выдумали преисподнюю.

Национализм является, конечно же, крайним проявлением горячей веры в сомнительные вещи. Думаю, можно с уверенностью сказать, что любой ученый-историк, пишущий сейчас историю Великой войны, неизбежно делает заявления, за которые в военное время ему бы в любой из воюющих стран с обеих сторон грозило тюремное заключение. Опять же, за исключением Китая, нет такого государства, где люди терпят правду о себе; в обычные времена говорить правду считается просто

дурным тоном, а в военные — преступлением. Выстраиваются конкурирующие системы агрессивных убеждений, очевидно ложных, поскольку в них верят только те, кто придерживается одного и того же национального предрассудка. Но применять рациональное мышление к этим системам считается делом столь же нечестивым, каким раньше считались попытки размышлять о религиозных догмах. Когда людей спрашивают, почему же скептицизм в таких вопросах считается злом, они отвечают лишь, что мифы помогают побеждать в войнах, так что разумная нация скорее будет повержена, чем одержит победу. Мнение о том, что спасти свою шкуру, поголовно очерняя иностранцев, несколько постыдно, до сих пор, насколько я знаю, не находило сторонников среди профессиональных моралистов, не принадлежащих к квакерам. А на предположение, что разумная нация нашла бы способ вовсе не ввязываться в войны, ответом чаще всего бывает одна брань.

Каков был бы эффект распространения рационального скептицизма? Ходом человеческой истории управляют страсти, каждая вспышка которых порождает системы сопутствующих мифов. Психологи изучили индивидуальные проявления этого процесса у душевнобольных — диагностированных и недиагностированных. Человек, переживший некое унижение, выдумывает, будто он король Англии, и предоставляет всевозможные хитроумные объяснения тому факту, что его не почитают так, как того требует его высокое положение. В данном случае окружающие его заблуждению не сочувствуют, и потому его изолируют от общества. Однако если он заявляет не только о собственном величии, а о величии своей нации, своего класса или своих убеждений, то завоевывает сонм сторонников и становится политическим или религиозным лидером, даже если беспристрастному стороннему наблюдателю его идеи

кажутся не менее абсурдными, чем те, что можно услышать в приюте для умалишенных. Таким образом зарождается коллективное безумие, которое подчиняется законам, весьма похожим на законы безумия личного. Каждый знает, что спорить с безумцем, который думает, будто он король Англии, опасно; однако, поскольку он изолирован, его можно одолеть. Если же некое заблуждение разделяет целая нация, то стоит подвергнуть его сомнению, и она взъярится точно так же, как отдельный безумец, однако ничто, кроме крайней меры — войны, — не заставит ее уступить здравому смыслу.

Роль интеллектуальных факторов в человеческом поведении — это тема, по которой среди психологов существует немало разногласий. Она подразделяется на два четко разграниченных вопроса:

1. В какой степени убеждения функционируют как причины для действия?

2. В какой степени убеждения выводятся из логически объективных доказательств или же могут быть из них выведены?

По обоим пунктам психологи единодушно наделяют интеллектуальные факторы влиянием куда меньшим, чем мог бы подумать простой человек, однако в рамках этого общего согласия наблюдаются значительные различия в степени. Давайте рассмотрим оба вопроса один за другим.

1. В какой степени убеждения функционируют как причины для действия? Не будем обсуждать этот вопрос теоретически, а возьмем обычный день из жизни обычного человека. Первым делом он встает с утра — скорее всего, по привычке, без вмешательства каких-либо убеждений. Он завтракает, садится в поезд, разворачивает газету и едет на службу — все это по привычке. В какой-то момент в прошлом он сформировал эти привычки, и как минимум при выборе работы убеждения

сыграли свою роль. Вероятно, в то время он посчитал, что лучше предложенной должности ничего не найдет. У большинства людей убеждения играют роль в выборе профессии, и, таким образом, опосредованно, во всем, что этот выбор влечет за собою.

На работе этот человек, если он подчиненный, возможно, продолжит действовать просто по привычке, не проявляя особенной инициативы и без явного вмешательства убеждений. Мы могли бы решить, что коли он складывает столбцы цифр, значит, убежден в верности применяемых арифметических правил. Но мы бы ошиблись; эти правила — просто привычки, заученные его телом, сродни привычкам теннисиста. Он приобрел их в юности: не из рассудочной веры в то, что они соответствуют истине, а для того, чтобы доставить удовольствие учителю — точно так же, как собака учится сидеть на задних лапах и просить угощение. Я не утверждаю, что все образование таково, однако по большей части обучение счету и грамоте, безусловно, проходит именно так.

Но если наш приятель — совладелец или директор компании, то в течение дня ему, возможно, потребуются принимать нелегкие деловые решения. В них его убеждения, скорее всего, сыграют свою роль. Он полагает, что этот товар вырастет в цене, а тот обесценится, что один партнер — человек надежный, а другой балансирует на грани банкротства. В соответствии с этими убеждениями он и будет действовать. И именно потому, что ему приходится действовать на основе убеждений, а не просто по привычке, он пользуется гораздо большим уважением, чем простой клерк, и зарабатывает гораздо больше денег — при условии, что его убеждения верны.

В личной жизни этого человека доля действий, основанных на убеждениях, окажется во многом сходной. Чаще всего его поведение по отношению к жене

и детям будет определяться привычкой или инстинктом, скорректированным привычкой. В особых случаях — делая предложение руки и сердца, решая, в какую школу отдать сына, или столкнувшись с поводом подозревать жену в неверности — руководствоваться исключительно привычкой у него не выйдет. Предложение руки и сердца возможно сделать и по воле инстинкта или же под влиянием убеждения, что дама богата. Если мужчина руководствуется инстинктом, то, без сомнения, убежден, что его избранница обладает всеми добродетелями, и это может показаться ему причиной его решения. Однако на самом деле в нем просто играет инстинкт, которого достаточно, чтобы объяснить его поступок. Выбирая школу для сына, он, вероятно, действует во многом так же, как и при принятии сложных деловых решений; здесь убеждения обычно играют важную роль. Если же ему в руки попадут свидетельства неверности жены, его поведение, скорее всего, будет чисто инстинктивным, но источником инстинкта будет убеждение, которое и явится первопричиной всех последующих поступков.

Таким образом, хотя убеждения непосредственно отвечают лишь за небольшую долю действий, эти действия числятся среди самых важных и в значительной степени определяют общую структуру нашей жизни. В частности, на убеждениях основывается поведение в религиозной и политической сферах.

2. А теперь я перехожу к нашему второму вопросу, который правильнее будет разделить на два:

а) в какой степени убеждения на самом деле основываются на доказательствах?

б) насколько это вообще возможно или желательно?

а) Убеждения опираются на доказательства гораздо меньше, чем полагают сами убежденные. Возьмем действие, наиболее близкое к рациональному: вложение де-

нег богатым дельцом из Сити. Нередко можно обнаружить, что его мнение (к примеру) о том, подорожает ли французский франк или же подешевеет, зависит от политических симпатий, и все же он так крепко этого мнения придерживается, что готов поставить на него деньги. При банкротстве часто оказывается, что первопричиной разорения стал какой-нибудь эмоциональный фактор. Политическая позиция почти никогда не основывается на рациональных доводах — разве что у должностных лиц, но им запрещено озвучивать свое мнение. Существуют, конечно же, исключения. В полемике о тарифной реформе, разгоревшейся двадцать пять лет назад, большинство фабрикантов поддерживали сторону, которая обещала им увеличение доходов, демонстрируя тем самым, что их мнение и в самом деле основывалось на рациональных доводах, хотя по их высказываниям этого почти невозможно было заключить. Это еще усложняет ситуацию. Фрейдисты познакомили нас с термином «рационализация» — то есть выдумывание того, что кажется нам рациональным основанием для решения или мнения, которое на самом деле крайне иррационально. Но существует, особенно в англоязычных странах, и обратный процесс, который можно назвать «иррационализацией». Человек сметливый рассматривает (более или менее подсознательно) плюсы и минусы вопроса с корыстной точки зрения. (Бескорыстные соображения редко имеют вес в подсознании, разве что когда дело касается наших собственных детей.) Придя к здравому эгоистическому решению с помощью бессознательного, человек начинает выдумывать или подслушивать у других высокопарные фразы, призванные убедить окружающих, что он преследует общественное благо ценой чудовищных личных жертв. Те, кто поверит, будто эти фразы отражают его истинную позицию, вынуждены будут решить, что он совершенно неспо-